

<i>П. М. Шульгин, О. Е. Штеле</i>	<i>P. M. Shulgin, O. E. Shtele</i>
<i>Земский опыт местного самоуправления: Сохранить уникальное российское наследие</i>	<i>Territorial experience of self-government: To preserve a unique Russian heritage</i>
207	
<i>В. Б. Ленцова</i>	<i>V. B. Lentsova</i>
<i>Дом-музей М.Ю. Лермонтова в Москве</i>	<i>The House-Museum of M.Yu. Lermontov in Moscow</i>
214	

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

SURVEYS. DIGESTS

<i>Клаус В.</i>	<i>Klaus V.</i>
<i>Мы, Европа и мир</i>	<i>My, Evropa a svět</i>
219	
<i>Петерсен К.</i>	<i>Petersen C.</i>
<i>«Исламское государство» и Центральная Азия</i>	<i>Der «Islamische Staat» und Zentralasien</i>
227	
<i>Право на забвение: Интернет и проблемы прав человека</i>	<i>The Right to oblivion: The Internet and human rights</i>
231	

**АННОТАЦИИ СТАТЕЙ
ТЕКУЩЕГО НОМЕРА**

239 **SUMMARIES**

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Б.А. Хейфец

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ*

Хейфец Борис Аронович – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН, профессор Финансового университета при Правительстве РФ и Государственного университета управления.

*Когда дует ветер перемен, одни ставят стены,
а другие ветряные мельницы.
Конфуций*

Деглобализация – новая тенденция в развитии российской экономики

Как показывает мировой опыт, участие в международном разделении труда и межгосударственном сотрудничестве благоприятно влияет на экономику. По оценкам Глобального института McKinsey, глобальные потоки товаров, услуг и инвестиций ежегодно добавляют от 250 до 450 млрд долл. в мировой ВВП, или от 15 до 25% в общий рост мировой экономики. При этом больший выигрыш (на 40%) получают экономики, активно включенные в эти процессы [MGI 2014. P 2, 4].

В мире нет ни одной страны, которая благодаря экономической закрытости достигла серьезных экономических успехов. Наиболее одиозный пример – КНДР. Выстоял в практически полной изоляции и Иран, обладающий населением в 75 млн человек и богатейшими запасами углеводородов. Введенные против него в 1996 г. комплексные санкции, значительно ужесточенные в 2010 г., резко ограничили финансово-экономические связи с внешним миром, включая доступ к технологиям. Они стали главной причиной тяжелого

* Статья подготовлена в рамках гранта Российского гуманитарного научного фронта «Денежно-кредитная и бюджетно-налоговая политика России на современном этапе глобализации» (проект № 15-02-0039).

положения в иранской экономике. Для отмены санкций Иран пошел на удовлетворение почти всех требований мирового сообщества, и в январе 2016 г. они в основном были отменены.

Россия после 1990 г. все сильнее втягивалась в систему международной торговли, от которой сейчас сильно зависит развитие ее экономики. За последние 25 лет она получила много выгод от глобализации. Если в 1991 г. соотношение экспорта к ВВП составляло 13,3%, то в 2000 г. оно достигло 44,1% и в дальнейшем держалось на уровне 35–30%, немного опустившись во время современного кризиса в 2009–2014 гг.

По степени влияния внешнеэкономических связей на экономику Россия стала сопоставима с крупнейшими экономиками мира. В 2014 г. соотношение объема внешней торговли и ВВП у России составил 52,1%, для сравнения у Китая – 46,9, США – 29,9, Японии – 35,9, ЕС – 33,9, Канады – 62,7%¹.

Благодаря стабильному положительному сальдо текущих операций обеспечивалось укрепление национальной валюты, появлялась возможность увеличивать расходы бюджета, создавать валютные резервы и увеличивать инвестиции как внутри страны, так и за рубеж. Одновременно Россия все активнее притягивала иностранные инвестиции, заняв по их притоку в 2012 г. девятое место в мире.

В то же время в 2014–2015 гг. проявилась противоположная тенденция к *деглобализации российской экономики*. Она обусловлена как объективными, так и субъективными факторами. К первой группе можно отнести начавшуюся экономическую рецессию, примитивную топливно-сырьевую структуру нашего экспорта и существенное снижение цен на основные экспортные товары, обострение конкуренции на главных для России сырьевых рынках, а также потерю конкурентоспособности по многим традиционным экспортным изделиям обрабатывающей промышленности и т.п.

К группе субъективных факторов относятся: резкое обострение геополитической обстановки вокруг России, введение соответствующих санкций и ответных российских действий, ведущих к экономической изоляции, прямые и косвенные барьеры для внешнего финансирования, отсутствие действенных мер в экономической политике, обеспечивающих ускоренную модернизацию и структурные преобразования в экономике, а также реальное улучшение инвестиционного климата и придание этому процессу стабильного и предсказуемого характера.

В 2015 г. произошло существенное сокращение внешней торговли товарами России (рис. 1.) как за счет экспорта (на 31,8%), так и импорта

1. WTO (2015) База данных (www.wto.org).

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

(на 37,1%). Учитывая, что ВВП в 2015 г. уменьшился на 3,7%, соотношение показателей внешней торговли и ВВП также значительно сократилось.

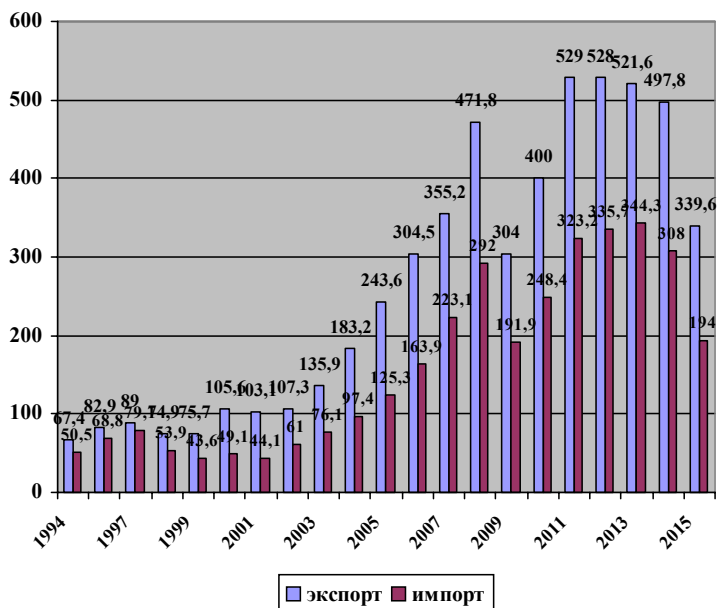

Рис. 1. Внешняя торговля России (по методологии платежного баланса), млрд долл.

Источник: Банк России (2016) База данных (www.cbr.ru).

Процесс деглобализации российской экономики еще нагляднее виден из динамики транснациональных потоков ПИИ в 2013–2015 гг. (см. рис. 2.).

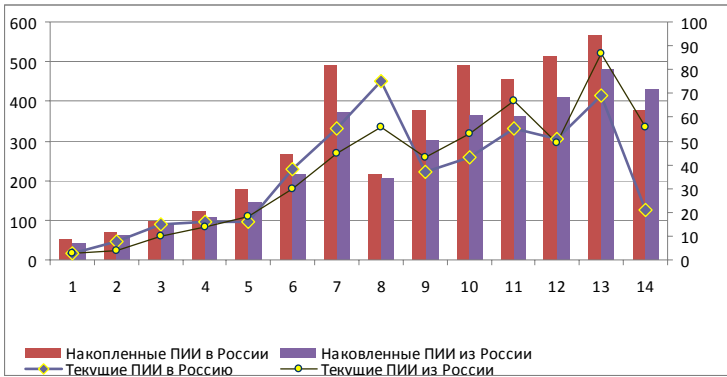

Рис. 2. Динамика ПИИ в России и из России, млрд долл.

Источник: UNCTAD (2015) База данных (www.unctad.org).

Из диаграммы видно резкое падение текущих ПИИ в Россию, которые в 2014 г. уменьшились почти в 3 раза по сравнению с 2013 г. Еще больший спад наблюдался в 2015 г. По оценкам ЮНКТАД, объем текущих ПИИ в Россию сократился на 92%, т.е. практически вдвое даже по сравнению с невысоким уровнем 2014 г., в то время как в мире текущие ПИИ в 2015 г. выросли на 36% и составили 1,7 трлн долл.²

В 2015 г., например, по данным Немецкой торговой палаты, около 167 немецких предприятий закрыли свой российский бизнес. По оценке английской консалтинговой компании Global Counsel, в период с 2014 г. по первую половину 2015 г. из России ушло около 60 известных брендов и компаний – в 1,5 раза больше, чем во время кризиса 2008 г. (Irwin, Gratowski, Smotrov 2015). По данным исследования Ernst & Yang, в 2015 г. инвестиционная привлекательность России продолжала сокращаться: лишь 11% инвесторов заявили о том, что готовы инвестировать в регион, что на 8 позиций ниже, чем в 2014 г. (Ernst & Yang 2015).

2. UNCTAD (2016) *FDI recovery is unexpectedly strong, but productive impact* // *Global Investment Trend Monitor*. N 22. P. 1, 6.

Опора на собственные силы не может быть стратегией

В таких условиях получили развитие старые идеи о самодостаточности экономики России, о необходимости широкого импортозамещения. При этом делаются ссылки на опыт СССР, который за сравнительно небольшой по времени период менее 15 лет перед нападением фашистских агрессоров в июне 1941 г. создал мощнейший промышленный комплекс, а после войны сумел восстановить и значительно увеличить свой промышленный потенциал, став мировой супердержавой.

Это реальные факты, но здесь не учитываются конкретные условия развития в СССР и современное положение России. Сейчас невозможно осуществить сопоставимую мобилизацию материальных и человеческих ресурсов, которых стало меньше по количеству и соответствию сложности стоящих перед страной задач. Не говоря уже о создании жестко централизованной хозяйственной системы, господстве активной идеологии, подкрепляемой мощным репрессивным аппаратом, а также отсутствии пресловутого «железного занавеса» в отношении не только с государствами, но и людьми.

Многие современные исследователи примитивизируют успешный процесс индустриализации в СССР, провозглашая знаковый термин *реиндустриализация*. Вместе с тем современный мир вступает в новую, четвертую, промышленную революцию, которая была в центре внимания Давосского форума в январе 2016 г. Она характеризуется слиянием цифровых, физических и биологических технологий³. Ожидается, что эта революция приведет к исчезновению некоторых традиционных отраслей и возникновению принципиально новых видов деятельности, в том числе в сфере услуг, которая сейчас дает в развитых странах до 75–80% ВВП. В 2014 г. на экспорт услуг приходилось 33,7% всего экспорта товаров и услуг Израиля; 32,6 – Индии; 27,8 – США; 18,8 – Японии; 15,6% – Республики Корея. У России аналогичный показатель был 11,5%. В этом плане не менее чем реиндустриализация актуален лозунг *новой (инновационной) сервисизации*.

По оценкам экспертов VCG, в обрабатывающей промышленности на ведущие позиции выдвинутся девять инновационных технологий: аддитивные технологии (3D-принтеры, производство фотополимеров для лазерного сканирования и т.п.), автоматизированные роботы, программные продукты для разработки предметов производства, моделирование производственных процессов, интегрированные горизонтальные и вертикальные производственные

3. В первой промышленной революции сила воды и пара позволила механизировать производство. Во второй – электроэнергия использовалась для организации массового производства. В третьей – электроника и информационные технологии автоматизировали производство.

системы, облачные технологии, защита от киберугроз, цифровая революция в производственном процессе, разнообразные сопроводительные услуги и консультации. В Германии, например, расширение использования робототехники и автоматизации позволит сократить количество рабочих мест в сборке и производстве примерно на 610 тыс. Но это снижение будет более чем компенсировано созданием примерно 960 тыс. новых рабочих мест, особенно в IT-сфере и цифровой аналитике (BCG 2015).

По существу речь идет о качественном усложнении и ином масштабе диверсификации номенклатуры материального производства, которую невозможно воспроизвести в рамках одной, даже экономически мощной, страны. Новым требованиям соответствуют *долговременные значительные затраты на науку и технологии*, составляющие не менее 3% от ВВП, чем не может похвастаться Россия. В 2013 г. в России все затраты на НИОКР составили 1,12% от ВВП. С 2003 по 2013 г. Россия снизила по отношению к ВВП свои расходы на научные и инновационные разработки с 1,29 до 1,12%. В 2013 г. в Германии на эти цели было направлено 2,85% от номинального ВВП, в США – 2,81, в КНР – 2,02, в Японии – 3,47, в Израиле – 4,21, в Республике Корея – 4,15%.

В то же время в России сохраняется высокий относительный уровень оборонных расходов. В 2014 г. они составили около 4,5% ВВП (в 2007 г. – 3,3%). Для сравнения: аналогичные показатели в 2014 г достигали в США 3,5% ВВП, в Китае – 2,1, во Франции – 2,2, в Германии – 1,2% ВВП⁴. Поэтому неизбежно возникает вопрос, в каком диапазоне можно вернуть и развивать утраченные Россией в последние десятилетия научные школы, высококвалифицированные кадры и технологические заделы, необходимые для структурной модернизации.

В связи с четвертой промышленной революцией в мире наблюдается взрывной рост научной сферы. Сложные конечные изделия объективно становятся объектом для экономической и научной кооперации разных государств в рамках так называемых цепочек добавленной стоимости.

Правда, еще в 1960–1970-е годы стало ясно, что создание универсальных по набору базовых отраслей народнохозяйственных комплексов, фактически навязанное СССР своим тогдашним союзникам – европейским странам народной демократии, малоэффективно по сравнению со специализацией и кооперированием производства в рамках международного, хотя и ограниченного социалистическим лагерем, разделения труда. Уже в то время в научных работах открыто стала критиковаться концепция опоры на собственные силы, показываться ее неэффективность, особенно для небольших стран.

4. World bank (2016) База данных (www.worldbank.org).

О несостоятельности этой концепции я также писал в своей первой монографии «Совершенствование отраслевой структуры и социалистическая интеграция» [Хейфец 1978]. В качестве альтернативы в монографии анализировалась так называемая структурная политика ГДР 1970-х годов, основанная на селективном выборе приоритетных производств, которые отвечали бы определенным критериям, в том числе отличались бы наивысшим научно-техническим уровнем развития и были бы конкурентоспособны на мировом рынке⁵.

Кстати, идея подобного селективного подхода была предложена в «Стратегии 2020», вывешенной на сайте МЭР РФ в августе 2008 г., т.е. накануне глобального кризиса, который затронул и Россию и заставил отказаться от ее реализации даже с учетом внесенных в нее впоследствии поправок. По мнению разработчиков «Стратегии 2020», проведение избирательной политики позволило бы сформировать технологический профиль российской экономики, определяющий ее конкурентные преимущества по отношению к странам-лидерам – США, Китаю и Европе. Они считали, что в перспективе Россия может достичь доли в 5–10% на рынках высокотехнологичных товаров и интеллектуальных услуг по восьми-десяти позициям, включая ядерные технологии, авиастроение, судостроение, программное обеспечение, вооружение и военную технику, образовательные услуги, космические услуги и производство ракетно-космической техники. Среди других приоритетных направлений, где потенциально Россия могла бы претендовать на лидирующие позиции в мире, назывались нанотехнологии, производство композитных материалов, биомедицинские технологии жизнеобеспечения и защиты человека и животных, отдельные направления рационального природопользования и экологии и ряд других.

Выбор данных точек прорыва объяснялся *имеющейся* у России технологической конкурентоспособностью, т.е. без учета возможностей создания новых конкурентных преимуществ.

По оценкам МЭР, Россия входила в число лидеров по ряду важнейших направлений исследований и разработок, в том числе в таких областях как нанотехнологии, живые системы, охрана окружающей среды, атомная и водородная энергетика, энергосберегающие системы, разработки прикладных программных средств и др. В ядерной энергетике уровень применяемых технологий по отношению к мировому, по оценкам, составлял в среднем 95%, в ракетно-космической промышленности – 85, спецметаллургии – 70, авиационной промышленности – 60%. В то же время в станкостроении

5. Селективная структурная политика во второй половине XX в. обеспечила быстрый прорыв в экономическом и технологическом развитии Японии, Республики Корея, Малайзии, Тайваня и ряду других государств.

технологический уровень оценивался лишь в 35% от мирового, в электронной промышленности – 20, химической промышленности – 55, в лесной промышленности и текстильной промышленности – 20%⁶.

В дальнейшем назывались и другие приоритетные области, причем их состав может меняться, что требует системного анализа и долгосрочного прогнозирования. В этом плане интересна работа, проводимая Институтом статистических исследований и экономики знаний Высшей школы экономики, который осуществляет постоянный мониторинг тенденций технологического развития. В его докладе, выпущенном в начале 2016 г., «Глобальные технологические тренды» описаны 63 технологии, которые в ближайшие 10–15 лет окажут значительное влияние на мировую экономику. Это информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии, медицина и здравоохранение, транспортные средства и системы, новые материалы и нанотехнологии, рациональное природопользование, энергоэффективность и энергосбережение. Россия представлена только в 3% глобальных исследовательских фронтов, а вклад нашей страны в динамику публикаций по этим направлениям составляет лишь 1%. Из 63 трендов, выделенных в докладе, уровня «мирового лидера» в России нет ни одного и всего шесть – на уровне «паритета» (уровень российских исследований не уступает мировому). Большинство же российских достижений представлены оценками «белые пятна» (существенное отставание от мирового уровня, отсутствие (или утрата) научных школ) и «задел» (наличие базовых знаний, компетенций, инфраструктуры, которые могут быть использованы для форсированного развития соответствующих направлений исследований) [Трофимова 2016].

Это лишний раз говорит о необходимости взвешенной селективной структурной политики, которая должна стать основным рычагом усиления конкурентоспособности российской экономики и повышения эффективности использования ее ресурсов на современном этапе. Именно с таких позиций следует, на мой взгляд, подходить и к *политике импортозамещения*.

Селективное импортозамещение

В принципе тотальное импортозамещение – это путь к самому неэффективному расходованию государственных инвестиций, что недопустимо в виду ограниченности ресурсов. Степень самодостаточности экономики определяется балансом интересов эффективного развития и интересов нацио-

6. Данные «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020–2030 годов» (М.: МЭР РФ, 2008) и подготовленных к ней других материалов, которые впоследствии были удалены с сайта МЭР. Цит. по: Хейфец 2011. С. 82–83.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

нальной безопасности. В условиях сложной геополитической обстановки центр тяжести может смещаться в пользу национальной безопасности, но такая политика не должна выливаться в элементарное расточительство средств под прикрытием хороших намерений. Курс на импортозамещение, а фактически, на экономическую изоляцию, не может быть альтернативой задаче стимулирования технологического экспорта.

Риски импортозамещения уже проявляются в конкретной практике. Например, при госзаказе после введения ограничений на приобретение иностранной машиностроительной продукции в июле 2014 г. значительно подорожали: грейдеры – на 55% (первое полугодие 2014 г. к тому же периоду 2015 г.), микроавтобусы – на 59, тракторные прицепы и полуприцепы – на 82%. В среднем цены госконтрактов из-за импортозамещения выросли на 40% [Мереминская 2016]. При этом такое повышение в первую очередь связано со снижением конкуренции, а не с высокой долей импортных комплектующих в готовых изделиях.

Помимо роста цен при импортозамещении страдает качество и безопасность конечной продукции. Вместо модернизации во многих случаях происходит процесс перехода на выпуск менее качественной готовой продукции или отдельных комплектующих, что сказывается на всей производственной цепочке. Но даже если удастся организовать производство конкурентоспособной продукции, для поддержания такой конкурентоспособности требуются серьезные затраты на НИОКР, которые многократно возрастают при опоре только на собственные силы, и часто не соответствуют современному уровню.

Поэтому не случайно, что политика импортозамещения «любой ценой» вызывает озабоченность у экспертов. Так, главный экономист «Альфа-банка» Н. Орлова подчеркивает, что «самым опасным для России сейчас было бы использование накопленных государственных резервов для поддержания внутренних производителей, которые в условиях санкций теряют планку качества, ранее задававшейся импортной продукцией» [Орлова 2015].

Г. Идрисов и Е. Пономарева считают, что политика импортозамещения будет скорее ответом на сложившуюся в экономике ситуацию, а не способом предотвращения подобных ситуаций в будущем, ведь производство российских аналогов отдельных видов продукции совсем не гарантирует ее рентабельности и конкурентоспособности [Идрисов, Пономарева 2015. С. 66].

В. Иноземцев подчеркивает, что в 1960–1970-х годах под лозунгом «Освободимся от зависимости от западного оборудования и промышленной продукции» были начаты реформы во многих странах «социалистической ориентации»: от Танзании и Ганы до Кубы и некоторых государств Латинской Америки. По этому пути пошли даже Индия и Бразилия. Ни один промышленный товар из этих стран не стал глобальным брендом. Опасность

современного импортозамещения в России В. Иноземцев видит в том, что оно консервирует прежнюю структуру производства, которая в прошлом уже доказала свою неэффективность [Иноземцев 2015].

Любопытно, что такой же точки зрения придерживаются многие чиновники, ответственные за проведение политики импортозамещения. Согласно опросу Международной аудиторско-консалтинговой компании КПМГ, большинство таких чиновников считают, что политика импортозамещения в текущем варианте имеет вынужденный и запоздалый характер. А пятая часть опрошенных (21%) вообще сомневается, что ее стоило инициировать в сложившихся условиях [Жичанов 2015].

В предыдущие годы Россия оказалась в чрезмерной импортной зависимости по важнейшим видам продовольствия, лекарствам, промышленным товарам ширпотреба, изделиям электроники. В стране были ликвидированы многие отрасли обрабатывающей промышленности, которые в СССР производили высококачественную продукцию для внутренних нужд и экспорта. Среди них тяжелое машиностроение (доля импорта 60–80%), станкостроение (свыше 90), радиоэлектроника (80–90), медицинская промышленность и фармацевтика (70–80), легкая промышленность (70–90%) [Стратегия 2014]. Даже в базовых топливнодобывающих отраслях, имевших большие доходы в 2000-е годы, Россия оказалась в чрезмерной импортной зависимости. Так, по трудноизвлекаемым залежам доля импортного оборудования составляет почти 50%, по традиционным месторождениям – менее 20, по сжиженному природному газу – 80 и по шельфу – более 80%. По отдельным видам технологий доля импортозависимости составляет от 80 до 90% [Роснефть 2015].

Такая импортная зависимость в принципе ненормальна для страны со 146-миллионным населением, которая занимает огромную территорию и обладает уникальным набором природных ресурсов. Не следует забывать и о никуда не исчезнувшем, несмотря на уменьшившийся экономический потенциал, менталитете бывшей самодостаточной супердержавы. Всего 40–45 лет назад на СССР приходилось около 9% мирового ВВП, в стране насчитывалось почти 270 млн человек населения. Поэтому не вызывает сомнений необходимость восстановления многих важнейших базовых производств, развития отраслей, осуществляющих более глубокую переработку вывозимого сейчас сырья, которая может увеличить добавленную стоимость конечного продукта⁷.

⁷ Например, наращивая объемы переработки первичного алюминия внутри страны, можно добавить как минимум 0,5% ВВП (600–700 млрд руб.), т.е. фактически увеличить в 1,5 раза долю алюминиевой промышленности, которая составляет сейчас 0,7–0,8%.

Такой вывод в полной мере относится к производству жизненно важных для населения товаров, прежде всего продовольствия, хотя и здесь нельзя не учитывать сложившиеся за последние десятилетия потребительские предпочтения.

Наконец, к более широкому импортозамещению толкает современное геополитическое положение России, требующее поддержания отраслей оборонно-промышленного комплекса. Здесь не применимы принципы теории сравнительных конкурентных преимуществ.

В то же время не стоит упрощать стратегическую проблему национальной безопасности за счет отгораживания от внешнего мира и создания альтернативных собственных производств. Было бы большой ошибкой экономической политики, если бы приоритет эффективности и конкурентоспособности при импортозамещении отодвигался на второй план.

Задача № 1 - повышение конкурентоспособности

В новой «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», принятой в декабре 2015 г., низкая конкурентоспособность и сырьевая зависимость экономики выделены в качестве важнейших угроз безопасности [Российская газета 2015].

Задачу повышения конкурентоспособности и диверсификации структуры экспорта современная Россия ставила неоднократно (как, кстати, и СССР в 1980-е годы). Формально в последнее время были достигнуты определенные успехи в этом отношении. По индексу конкурентоспособности ВЭФ в 2015–2016 гг. Россия поднялась на 45-е место (в 2014–2015 гг. было 53-е; в 2012–2013 гг. – 67-е) [World Economic Forum (2015)].

Однако практических результатов в виде роста ВВП и стабильного дохода от участия в мирохозяйственных связях реально не ощущается. По большому счету у России конкурентоспособны только топливно-сырьевые отрасли, продукция которых составляет основу экспорта. Но и здесь конкуренция постоянно ужесточается, так как спрос на нее падает, а предложение увеличивается со стороны новых экспортеров. Это уже привело к падению соответствующих цен до уровня, когда многие российские компании становятся неконкурентоспособными. Россия реально «проспала» революцию в энергетике, где происходит серьезные сдвиги в структуре производства и потребления, прежде всего за счет замены ископаемых источников энергии возобновляемыми. В США, например, на эти цели в 2014 г. было израсходовано 270 млрд долл. (в 2004 г. было – 45 млрд долл.). Германия намечает к 2030 г. увеличить долю энергии из возобновляемых источников в энергобалансе страны с нынешних 26% до 40–45%. Не говоря уже о росте добычи сланцевой нефти и газа, которая сделала США экспортером углеводородов,

создании революционных технологий хранения электроэнергии, доступных для домашних хозяйств, и т.п.

Принципиальные технологические изменения происходят и в других сферах экономики. При этом во многих зарубежных странах усиливается внимание к вопросам конкурентоспособности национальной экономики. Так, в Великобритании с 2009 г. начался процесс активной разработки промышленной политики, направленной на повышение конкурентоспособности отдельных отраслей. Во Франции в 2013 г. была принята стратегия «Новая индустриальная Франция» («La Nouvelle France industrielle»), нацеленная на улучшение конкурентоспособности французской промышленности [Сколковский институт науки и технологий 2014].

В 2014 г. премьер-министр Индии Н. Моди анонсировал запуск программы «Make in India», которая должна стимулировать иностранные и индийские компании создавать конкурентоспособные производства в Индии. Она предусматривает увеличение доли обрабатывающей промышленности с 15% в настоящее время до 25% и создание почти 100 млн новых рабочих мест.

В марте 2015 г. в Китае была анонсирована программа с похожим названием «Made in China 2025», которая стимулирует активизацию промышленности через развитие умного производства (smart manufacturing). Она должна помочь стране конкурировать с промышленностью таких развитых стран, как Германия и США.

Повышение конкурентоспособности крайне важно в связи с уже проявившимися тенденциями трансрегионализации, которые в ближайшие 10–15 лет существенно трансформируют глобальное экономическое пространство и всю систему международного разделения труда. Речь идет о формировании новых мегартнерств, таких как Транстихоокеанское партнерство (ТТП), Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТАТИП), Региональное всестороннее экономическое партнерство (РВЭП) и ряд других. Дело в том, что в их рамках создается практически беспопшлинное пространство для межгосударственной торговли товарами и услугами, а также устраняются нетарифные барьеры. В ТТП, например, обнуляется 99% всех импортных пошлин, в РВЭП – 90%.

Пока негативный эффект для российской экономики от новых мегартнерств не велик, так как на преобладающие в российском экспорте товары топливно-сырьевой группы низки или отсутствуют вообще импортные пошлины. С. Воскресенский оценивает негативный эффект от ТТП для сегодняшней структуры российской экономики в пределах погрешности около 0,01% ВВП [Калачихина 2015]. Эти оценки совпадают с оценками экспертов Института международной экономики Паттерсона, которые прогнозируют небольшой негативный эффект для России и от другого партнерства – РВЭП – в размере 0,2% ВВП (табл. 1).

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Таблица 1

ПРИРОСТ (+) / СНИЖЕНИЕ (-) ВВП ДО 2025 г. В СВЯЗИ С СОЗДАНИЕМ НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕГАПАРТНЕРСТВ

	ТПП		РВЭП	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%
Австралия	6,6	0,5	19,8	1,4
Бруней	0,2	0,9	1,2	5,8
Канада	8,7	0,4	-0,1	0,0
Чили	2,5	0,9	0,0	0,0
Япония	104,6	2,0	95,8	1,8
Малайзия	24,2	5,6	14,2	3,3
Мексика	9,9	0,5	2,8	0,1
Новая Зеландия	4,1	2,0	1,9	0,9
Перу	3,9	1,2	0,0	0,0
Сингапур	7,9	1,9	2,4	0,6
США	76,6	0,4	-0,1	0,0
Вьетнам	35,7	10,5	17,3	5,1
Китай	-34,8	-0,2	249,7	1,4
Р. Корея	-2,8	-0,1	82,0	3,9
Индия	-2,7	-0,1	91,3	1,7
Россия	-1,4	0,0	-5,3	-0,2
Суммарно для конкретного мегапартнерства	285,0	0,9	617,9	1,8
Для мировой экономики в целом	223,4	0,2	644,4	0,6

Источник: Petri, Plummer, Zhai. 2014.

Однако с точки зрения улучшения структуры российского экспорта и экономики в целом, где необходимо увеличение удельного веса товаров с более высокой добавленной стоимостью, негативный эффект от новых мегапартнерств в перспективе может возрасти. Кстати, одной из целей, декларирувавшихся при вступлении России в ВТО, было получение недискриминационного доступа на рынки продукции обрабатывающей промышленности.

В данной связи эффективным ответом на трансрегионализацию может быть только выпуск конкурентоспособной продукции, которая способна преодолеть существующий уровень таможенно-тарифной защиты стран – участниц мегапартнерств для внешних акторов. В том числе путем снижения цен, т.е. уменьшение нормы прибыли, что в принципе является допустимым, но нежелательным путем. При этом речь может идти не только о технологиях hi-tech, а и о востребованной на рынке, особенно в развивающихся странах, продукции перерабатывающей промышленности low-tech.

В связи с реальным углублением в перспективе мирового продовольственного кризиса и растущим спросом на экологически чистые продукты нужны принципиальные изменения к политике по развитию сельского

хозяйства, ряд отраслей которого мог бы стать значимым источником экспортных поступлений. В 2015 г. российский экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья превысил 15 млрд долл. (примерно 5% всего экспорта), что уже сопоставимо с экспортом вооружений.

Большие резервы повышения международной конкурентоспособности имеются у сферы услуг. В этом плане показателен пример Индии, которая за относительно небольшой период времени стала вторым в мире экспортером ИТ-услуг (в 2015 г. – 112 млрд долл., что сопоставимо с 1/3 всего российского экспорта, в то время как в 2000 г. этот экспорт был около 5 млрд долл., а в 2006 г. – 30 млрд долл.). Это значительно превосходит российский экспорт программного обеспечения, который показывает высокие темпы прироста (см. рис. 3). Пока на экспорт компьютерных и информационных услуг приходится только 10% российского экспорта услуг. У России также имеется большой потенциал увеличения экспорта транзитных транспортных, коммуникационных, туристических, строительных и ряда других видов услуг.

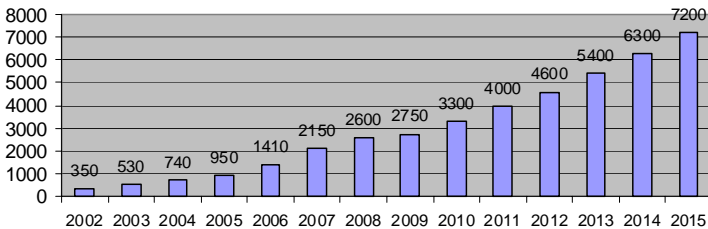

Рис. 3. Экспорт программного обеспечения из России, млн долл.

Источник: Russian Ventures 2015. С. 6.

В целом, по оценкам Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, для того чтобы обеспечить в период 2020–2040 гг. среднегодовые темпы роста ВВП на уровне в 3–5%, потребуется к 2030 г. увеличить стоимость чистого экспорта на 150–200 млрд долл. (в ценах 2015 г.) [ИНП РАН 2016].

Еще одним вариантом ответа на трансрегионализацию, который должен тесно сочетаться с повышением конкурентоспособности экономики, является создание Россией преференциальных торговых и инвестиционных партнерств, поиск зарубежных партнеров и альтернативных вариантов развития производственной и научно-технической кооперации.

* * *

Системные сдвиги в мировой экономике и международном разделении труда, связанные с трансрегионализацией и четвертой промышленной революцией, требуют более ответственной внешней и внешнеэкономической политики России. Если мы не хотим окончательно увязнуть на периферии мировой экономики, необходимо приложить титанические усилия, чтобы сменить вектор губительной для будущего страны экономической изоляции на повышение конкурентоспособности экономики и расширение разнообразных связей с зарубежными странами. Это настоятельно требует нормализации международных отношений России по критическим направлениям, появившимся в последние годы.

Литература

1. Идрисов Г., Пономарева Е. (2015). Политика импортозамещения и конкурентоспособность российской экономики // Экономическое развитие России. – 2015. – № 10 (<http://www.iep.ru/files/RePEc/gai/ruser/464Idrisov.pdf>).
2. Иноземцев В. (2015). Импортозамещение по-путински (<https://snob.ru/selected/entry/88560>).
3. ИНП РАН (2016). Восстановление экономического роста в России / Отв. редактор В.В. Ивантер. – М., 2016. – С. 29.
4. Кичанов М. (2015). Удивительное импортозамещение (<http://expert.ru/siberia/2015/46/udivitelnoe-importozameshenie/>).
5. Калачихина Ю. (2015). Россия поставит блок США // Газета.Ру. 4 декабря.
6. Мереминская Е. (2016). Государство защищает машины // Ведомости. 16 марта.
7. Орлова Н. (2015). Импортозамещением не спасешься: Зачем России пробиваться на внешние рынки // РБК-daily. 24 сентября. Российская газета (2015). Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. 31 декабря.
8. Сколковский институт науки и технологий (2014). Публичный аналитический доклад по развитию новых производственных технологий (<https://reestr.extech.ru/docs/analytic/reports/new%20technologies.pdf>).
9. Стратегия (2014). План-снижение импортозависимости в России. 11 июля (<http://strategyjournal.ru/news/promyshlennost/plan-snizhenie-importozavisimosti-v-rossii/>).
10. Трофимова Е. (2016). Через 15 лет люди будут есть пищу из отходов и ездить на беспилотниках (<http://www.ridus.ru/news/214023>).
11. Хейфец Б.А. (2011). Российский бизнес в странах ЕврАзЭС. Модернизационный аспект. – М.: Экономика.
12. Хейфец Б.А. (1978). Совершенствование отраслевой структуры и социалистическая интеграция. – М.: Наука.
13. BCG (2015). Industry 4.0. The Future of Productivity and Growth in Manufacturing Industries. April.
14. Bruton H. (1989). Import substitution. Elsevier Science Publishers B.V.
15. Ernst&Yang (2015). European Attractiveness Survey. Comeback time (<http://www.ey.com/GL/en/Issues/Business-environment/ey-european-attractiveness-survey-2015>).

16. Irwin G., Gratoski T., Smotrov A. (2015). Multinationals in Russia in 2015. Global Counsel.
17. MGI (2014). Global flows in a digital age: How trade, finance, people, and data connect the world economy. McKinsey.
18. Petri P., Plummer M., Zhai F. (2014). China in the TTP (<http://asiapacifictrade.org/wp-content/uploads/2012/10/Adding-China-to-the-TPP-4feb14.pdf>).
19. Russian Ventures (2015). Перспективы развития экспорта товаров и услуг российских интернет-компаний до 2025 года (<http://www.export2025.ru/#1.1>).
20. World Economic Forum (2015). The Global Competitiveness Report 2015–2016. – Geneva.